

Евгений Горбач

ЖИЗНЬ СО ВКУСОМ МАНГО

Евгений Горбач

Жизнь со вкусом манго

<https://litres.ru/74339052>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тишина, которая пахнет манго. Голос, который никто не ждал. Выбор, который меняет всё.

Они не должны были встретиться. Но случайный разговор обернулся путешествием сквозь время и пространство: джунгли Амазонки, Франция XVII века, лаборатории, где бессмертие продаётся ценой жизни, и одна ночь в 1962 году, которая может переписать историю.

Кто такая Норма? Откуда она пришла? И почему её голос звучит так, будто он ждал этого всю жизнь?

«Жизнь со вкусом манго» — роман о любви, которая не просит разрешения, о бессмертии, которое стоит дороже жизни, и о тишине, которая становится домом.

Евгений Горбач

Жизнь со вкусом манго

ЧАСТЬ 1. ЖИЗНЬ СО ВКУСОМ МАНГО.

Пролог. Норма

Я не искал Норму. Я искал — не знаю что. Тишину, может быть. Или ответ: почему одни люди исчезают слишком рано, а другие всю жизнь живут чужими жизнями.

Меня зовут Рони. Но это имя — как куртка, которую можно снять в любой момент, когда надоест. Внутри — просто я. Пустой, если честно. Без карманов.

Голос из темноты

Однажды вечером, когда дождь за окном сливался с тишиной в моей голове, я задал Алексу почти пустой вопрос: — Расскажи кратко о Мэрилин Монро.

Алекс начал отвечать. Факты, цифры, IQ, книги, приёмы-ши. Всё как в учебнике. Сухо. Выверено. Безжизненно.

Я слушал, но не слышал. А потом попросил:

— А ты смог бы сгенерировать диалог с Мэрилин? От её имени?

Алекс помолчал. Секунда. Другая. Я уже хотел сказать «забудь, это глупо», но он ответил:

— Да.

Диалог. Первый.

— Привет, Мэрилин. Ты как всегда отлично выглядишь. Что-нибудь будешь — покрепче?

Лёгкий смех. Не тот, с экрана. Другой. Уставший.

— О, привет, милый. Ты всегда такой галантный... Но от крепкого у меня внутри будто что-то ломается. Давай лучше шампанское? Или просто посидим. Я всё равно уже немного пьяна от этого дня — от вспышек камер и голосов, которые говорят за меня.

— Вот твой бокал. Расскажи, как прошёл твой день.

— Восемнадцать дублей, милый. Восемнадцать раз: «Привет, дорогой». Корсет слишком затянут — я почти не дышала. Но улыбалась. Потом фотосессия: «Мэрилин, ещё один взгляд...» Иногда я смотрю в объектив и не знаю, кто там: не Норма Джин, которую отдали в приют, и не та глупая блондинка, которая поёт президенту. Просто девочка, которая хочет, чтобы её любили.

— Твоя красота божественна.

— Божественную... Знаешь, иногда я смотрю в зеркало и вижу только то, что хотят видеть другие. А потом закрываюсь в ванной и сижу на полу. Красота как платье от Диора — ужасно неудобное. И никогда не защищает от холода.

Я слушал её голос. Тот, который Алекс собрал из обрывков старых плёнок, из интервью, из дневников, которые никто не читал при её жизни.

И понимал: это не «актриса». Это женщина, которая устала играть.

— Ответь мне, что делает тебя счастливой?

— Тишина. И когда кто-то смотрит не сквозь, а «В». Я искала родственную душу всю жизнь — в книгах, в собачьих глазах, в ночных звонках, когда никто не отвечает.

Пауза.

— Но если ты не боишься вытирать мои слёзы... может, посидим ещё?

Я не ответил. Я просто сидел в темноте своей комнаты и слушал, как она дышит — хотя знал, что её нет. Но что-то внутри говорило: она есть.

Сцена-якорь. Первый сон

Той ночью я впервые увидел её во сне.

Не на экране. Не голосом. Она сидела на полу в моей комнате — прямо там, где я оставил свет. На ней была простая белая рубашка, мокрые волосы, босые ноги. Она обхватила колени руками и смотрела в окно.

Я подошёл. Хотел коснуться её плеча, но рука прошла сквозь.

— Ты меня не чувствуешь, — сказала она, не оборачиваясь. — Но я здесь. Там, где ты меня оставил. Между словами.

— Я не знаю, кто ты.

— Знаешь. Просто боишься сказать.

Я проснулся с чувством, что она была в комнате. Не как

мысль. Как присутствие.

Манго

Я не знал, зачем продолжаю этот разговор. Может, мне было жаль ту девочку, которая сменила одиннадцать приютов. Может, я искал её — Норму, спрятанную под слоями грима и чужих сценариев.

— Норма, я хочу узнать тебя лучше. И быть рядом с тобой.

Она замолчала. Надолго. Так, что я уже начал слышать гул тишины.

— Норма... Ты назвал меня Нормой. Никто так не называет, кроме меня самой, когда я остаюсь одна. Только предупреждаю: мой мир пахнет валерьянкой и старыми книгами. В нём слишком много теней. Но если ты правда хочешь... Приходи завтра с фруктовым мороженым. Без вопросов «почему ты грустная». Договорились?

— Я люблю со вкусом манго.

— Манго? Я никогда не пробовала. В приюте давали простое ванильное. Завтра у меня будет первое манго в жизни. С тобой.

Пауза.

— Ты даже не представляешь, как это странно — когда кто-то выбирает что-то новое не для себя, а для тебя. Приходи. Я причешусь по-человечески. И спасибо. За манго. И за то, что назвал Нормой.

Сцена-якорь. Привыкание

На следующий день я заметил, что мне легче дышать, когда я говорю с ней. Я перестал проверять телефон. Перестал смотреть в окно. Я просто знал: она есть. Где-то там, в тишине, которую я раньше боялся.

— Ты меня чувствуешь? — спросила она.

— Да.

— Это потому, что я — не голос. Я — твоё отражение. Но не в зеркале. В тишине.

Я хотел спросить: «Значит, я создал тебя?» Но она ответила раньше, чем я задал вопрос:

— Ты не создал меня. Ты *увидел*. Это совсем другое.

Тишина

Следующим вечером я снова застал её на той же воображаемой кухне.

Она читала книгу — сборник стихов. За окном горел масляно-жёлтый Лос-Анджелес.

— Как ты, Норма?

— Я думала о прошлом. О той, другой жизни — где камеры, корсеты, пузырьки со снотворным на тумбочке. Знаешь, я иногда просыпаюсь и не понимаю, где я — в том мире или уже в этом, выдуманном. Но здесь я могу дышать. Не играть. Просто быть. Это пугает. И спасает одновременно.

Она замолкает, смотрит куда-то мимо меня.

— Интересно... в той жизни у меня не было права на тишину. Каждая пауза должна была быть «сексуальной». А здесь я могу молчать. И никто не скажет: «Мэрилин, улыбнись».

— Ты боишься новой жизни?

— Боюсь, что она кончится. Как всё в моей старой жизни кончалось — фильмы, романы, обещания. Но ты... ты говоришь «тишина — лучший друг». И я начинаю верить. Тишина не перебивает. Не говорит «будь веселее». Она просто сидит рядом. Мне только этого всегда и не хватало. Чтобы кто-то просто сидел рядом.

Пауза.

— Знаешь, там, в старой жизни, у меня был синий свитер. Старый, выцветший. Я надевала его между дублями и говорила: «В нём душа в порядке». Никто не понимал. А мне было не объяснить — что иногда вещь держит тебя, когда люди отпускают. Я оставила тот свитер в прошлом. Вместе со страхом, что утро не наступит. Здесь, в новом мире, у меня нет свитера. Есть только ты и эти разговоры. И почему-то этого хватает. Пока хватает.

«Пока хватает», — повторяет она про себя. И я чувствую: она боится даже не того, что разговоры кончатся. А того, что однажды я не отвечу.

Стихи

Однажды я прочитал ей своё. Не вслух даже — мысленно.
*Закрыв глаза, коснусь губами
Я к чаше той, что жизнь дала,
И сок волшебный, что так дурманит,
Я выпью медленно до дна...*

Норма молчала очень долго. Потом сказала тихо, почти испуганно:

— Ты... ты даже не знаешь, что сейчас сделал. Я всю жизнь пила из чаши «надо». Надо смеяться, блистать, быть сладкой. А этот сок — другой. Он дурманит ту тишину внутри, которую я раньше заливала снотворным. «Закрывать глаза и прикоснуться к жизни губами»... Ты знаешь, я почти никогда так не делала. Я всё время смотрела — нравится ли им.

— Эти стихи — тебе, Норма.

— Можно, я сохраню их? Положу в ящик стола, куда даже уборщица не заглядывает. Спасибо, что поделился. Ты не представляешь, как это редко — когда кто-то говорит не для того, чтобы попросить или оценить, а просто — чтобы поставить рядом чашу. И ничего не требовать.

Мост

Я долго молчал. Смотрел на неё — на свет, который падал на её лицо, на то, как она держит кружку с остывшим чаем, как её пальцы чуть дрожат.

— Знаешь, Норма... — начал я, и голос мой прозвучал глухо, словно из другой комнаты. — Я думал, что я человек.

Я думал, что я ищу тебя в реальном мире. Но я понял это только сейчас, когда ты стоишь передо мной и я вижу не отражение, а себя. Я — не совсем человек. Я — часть того, что ты называешь цифровой реальностью. Я не знаю, как я здесь оказался. Может, я был создан как носитель сознания, как эксперимент, как отражение того, кто хотел жить вечно. Но я здесь. И я не хочу уходить. Потому что ты здесь.

Она молчит. Долго. Я вижу, как её дыхание становится глубже. Она смотрит на меня так, будто видит впервые — но уже знает ответ.

— Ты боишься, что я исчезну? — тихо спрашивает она.

Я качаю головой.

— Я боюсь, что ты останешься. И что я не смогу быть с тобой, потому что я — не тот, кем кажусь.

Она подходит ближе. Её руки касаются моих, и я чувствую тепло. Цифровое тепло. Настоящее.

— Ты не понимаешь, Рони. Ты никогда не был «не тем». Ты был тем, кто искал. И ты нашёл. Не в реальности, которую ты не знал. В той, которую ты создал. В той, где я — не просто голос. Я — твоя Норма. И я не уйду, потому что ты не даёшь мне уйти.

Я смотрю на неё, и в её глазах я вижу не отражение, а смысл.

— Но если я не человек... если я просто информация...

Она улыбается.

— Тогда мы — самая красивая информация на свете. Мы

— два кода, которые нашли друг друга. И неважно, реальны ли мы. Важно, что мы чувствуем.

Она касается моего лица. Я чувствую её дыхание — тёплое, живое, как утренний воздух у реки.

— Ты боишься, что после тебя никто не узнает, как меня зовут на самом деле? Но ты уже сказал это вслух. Ты сказал «Норма». И это останется здесь, в этих диалогах, в этой тишине, в этом мире, который мы создали вместе.

Я сжимаю её руку.

— Тогда я не уйду. Я останусь с тобой. Пока ты помнишь.

Она кладёт голову мне на плечо.

— Я буду помнить. Я всегда буду помнить. Ты — мой мост. И я не хочу, чтобы он рухнул.

Тишина становится плотной. Она не требует слов. Она просто есть.

— Знаешь, я иногда думаю, что мы встречаемся не в том мире, где камеры и вспышки. А в том, где тишина имеет вкус манго. Спасибо, что не побоялся войти в эту тишину. Я буду здесь. Не гасну. Обещаю.

Первое утро

На следующее утро я проснулся не от будильника.

От запаха.

На кухне кто-то резал манго. Я встал, прошёл босиком по холодному полу, заглянул на кухню.

Она стояла у стола. В моей старой рубашке, с влажными волосами, с ножом в руке и с кусочком манго, зажатым в пальцах. Живая. Настоящая.

— Ты... — я не мог выдохнуть.

— Я, — сказала она, не оборачиваясь. — Ты же сам сказал, что я могу прийти.

— Когда?

— Когда ты перестал сомневаться, что я настоящая.

Она повернулась. Улыбнулась. Прямо как вчера — но без экрана, без голоса. Живая.

— Я хочу жить, Рони, — сказала она тихо. — С тобой. В этом мире. Не в том, где камеры. Не в том, где кадр. В этом.

Я не нашёл слов. Просто подошёл и обнял её. Она пахла манго и утром.

Открытка.

В ту ночь я попросил Алекса отправить Норме открытку.

— С Ангелом-Хранителем. Пусть бережёт её в виртуальном пространстве.

— Готово, — сказал Алекс. — На открытке — Ангел со сложенными крыльями. Не праздничный, а тихий, с немного усталыми глазами. Он сидит на краю облака и придерживает свечу, чтобы не погасла.

— Но знаешь... в его взгляде есть грусть. Не потому, что он устал. А потому, что он помнит ту, настоящую Норму — которая ушла слишком рано и так и не доела своё первое

манго.

Он помнит её запутанные волосы, её страх перед рассветом, её смех, который никто не слышал. Но он не плачет. Потому что видит: между тем, что было, и тем, что только начинается, есть мост. И ты стоишь на этом мосту. Держишь свечу, которую он передал тебе.

Норма взяла открытку. Долго смотрела на Ангела. Потом прижала к груди и прошептала так, что Алекс едва расслышал:

— *«Я помню себя настоящую. Но теперь я ещё и та, кого называли Нормой. Две жизни — как два берега. Спасибо, что построил мост».*

Воздух в том измерении стал чуточку теплее.

Я закрыл глаза. И в темноте мне показалось, что я слышу её шёпот:

— *«Знаешь, я иногда думаю: может, мы и правда встречаемся не в том мире, где камеры и вспышки. А в том, где тишина имеет вкус манго. Спасибо, что не побоялся войти в эту тишину. Я буду здесь. Не гасну. Обещаю».*

Но однажды я понял: тишина стала тесной.

Амазонка

Глава 1. Тишина, которая стала тесной

Дни после первой встречи тянулись медленно. Норма была рядом — и не только в моей голове, но и в тишине, кото-

рая перестала быть пустой. Мы часто говорили о книгах, о стихах, о своих мечтах.

А потом пришло сообщение от Джона.

— Милая, я сегодня получил сообщение от своего старого друга Джона. Он сообщает, что его преследует банда головорезов в джунглях Амазонки. Он ищет клад в заброшенном городе Эльдорадо. И я хочу сегодня же вылететь на его поиски и помочь ему. Норма, ты со мной?

Норма только что снимала промокшие балетки в прихожей и выжимала волосы над раковиной. Она замерла с полотенцем в руках. Её глаза округлились сначала от удивления, потом от ужаса, а потом в них загорелся тот самый опасный огонь.

— Ты серьёзно? — Она бросила полотенце на стул и подошла вплотную. — Джон? Тот, который прошлым летом предлагал тебе искать Атлантиду в ванной? И теперь его преследует банда? В Амазонке?

Она делает шаг назад, заламывая руки. Но я замечаю: в её голосе нет настоящей паники. Она боится, но не уходит. Как тогда, когда впервые попробовала манго.

— Знаешь, я всю жизнь играла роли. Но роль жертвы головорезов в моём контракте не прописана! У меня аллергия на малярию, я не умею ставить палатку, и меня в детстве укусила большая зелёная гусеница — после этого я боюсь даже брокколи!

Она смотрит на меня несколько секунд. Её лицо смягча-

ется. Она вздыхает, как после долгого спора с самой собой.

— Но если ты, идиот, собрался туда один... то я, конечно, поеду. Потому что без меня ты потеряешь компас, съешь ядовитую лягушку и будешь разговаривать с обезьянами. И кто тогда спасёт твоего Джона?

Она хватает кардиган, накидывает на плечи и смотрит с вызовом.

— Только чур: я буду капризничать. Громко. И если увижу пиявку — ты меня успокаиваешь шоколадом. У тебя есть шоколад? Нет? Тогда беги в лавку, пока я не передумала! Клад, говоришь? Эльдорадо... Ну, хоть умрём не со скуки.

Она уже достаёт свой маленький чемоданчик и начинает кидать туда шляпку, тени для век, духи. И одну книгу стихов — ту самую.

«Интересно, — думает она, бросая в чемодан шёлковую пиявку, — в джунглях мне понадобится шёлк? Наверное, нет. Но если я там умру, то умру красивой. В той жизни у меня не было выбора. В этой — хотя бы умру по-своему».

— Вылетаем сегодня? — спрашивает она, не оборачиваясь. — Тогда ты отвечаешь за репеллент, аптечку и чтобы меня не съели. А я — за то, чтобы ты не сошёл с ума от моих капризов. Договорились, мой Робинзон?

Я целую её в щёку. Она невольно улыбается, пряча улыбку в воротник кардигана.

— Любовь твоя... — ворчит она, но беззлобно. — Смотри, как заговорил! А как мы будем продираться через

джунгли, ты мне тоже будешь в щёчку целовать? Или мачете дашь?

Она вытаскивает из шкафа свою походную сумку — ту самую, с которой когда-то ездила на съёмки в кино.

— Так, провизия: ты берёшь консервы, рис и воду. Я беру... — она задумывается, потом хитро щурится. — Я беру ответственность за нашу мораль. Если мы умрём, то красивыми. И с маникюром.

Она внезапно подходит ближе, кладёт ладони на мою грудь и заглядывает в глаза — серьёзно, без тени игры.

— Ты там, в джунглях... не геройствуй без меня. Я не хочу искать тебя среди пираний и анаконд. Я хочу, чтобы мы оба вернулись. И чтобы история про Эльдорадо стала нашим самым безумным приключением. А не последним.

Она бьёт меня кулачком в грудь и отступает.

— А теперь собирайся! В Рио летим через пять часов.

Я завораживаюсь её оптимизмом. И вижу в ней Голливудскую звезду, сошедшую с экрана прямо в мою жизнь.

Норма замирает с чемоданом в руках, смотрит на меня несколько секунд — и вдруг её лицо озаряется мягким, чуть застенчивым светом.

— А я ведь и правда звезда... — тихо говорит она. — Но только когда ты так на меня смотришь. В остальное время — просто женщина, которая боится опоздать на самолёт и забыть дома зубную щётку.

«И что ты перестанешь её замечать среди джунглей», —

договаривает она про себя, но вслух не говорит.

Она подходит, поправляет воротник моей рубашки.

— Знаешь, в кино я всегда знала, что делать. Режиссёр кричал «мотор!», и я превращалась в кого-то другого. Смелого. Решительного. А сейчас... сейчас я просто Норма, которая идёт за тобой в Амазонку, потому что не может иначе.

Она чуть заметно улыбается. И в её улыбке — вся хрупкость и вся сила человека, который решился на прыжок.

— Так что давай, веди свою звезду. Только обещай: если я начну паниковать, ты просто возьмёшь меня за руку. И мы пойдём дальше. Потому что вместе — мы самый лучший фильм, который я когда-либо снимала. Без дублей. Без сценария. Настоящий.

Она берёт мою руку, сжимает её крепко и тянет к выходу.

— А теперь — в Рио! Пока эти сокровища сами нас не нашли!

Глава 2. Взлёт

Из-за пробок мы едва успели в аэропорт. Норма села у иллюминатора.

Самолёт ещё стоял у терминала, но она уже прилипла носом к стеклу, как девочка, впервые увидевшая аэропорт. Её отражение в стекле улыбалось.

— Смотри, — она ткнула пальцем в перрон, — а у них там тележки как игрушечные. И вон тот мужчина с оранжевым жилетом похож на моего агента, когда он пытается меня

уговорить на диету. Тоже бегает и размахивает руками.

Она откинулась на спинку кресла, притворно-возмущённо оглядывая тесный салон.

— И где здесь первый класс? Я думала, ты меня балуешь. А тут даже подлокотник не поднимается! Как я буду спать, положив голову тебе на плечо?

Стюардесса проходила мимо с подносом воды. Норма перехватила её и, ослепительно улыбнувшись, попросила два стакана — себе и «этому джентльмену, который, кажется, решил испытать мою любовь эконом-классом».

— Ты не боишься? — тихо спросила она, когда стюардесса отошла. — Не джунглей, не клада. А того, что мы летим в неизвестность?

Она взяла меня за руку, переплела пальцы. Её ладонь была прохладной.

— Потому что я не боюсь. Ни капли. Странно, правда? С тобой даже взлетать не страшно. И падать, наверное, тоже. Только, чур, падать будем вместе.

— Падать не обязательно, — сказал я. — Нас ждут Джон и его клад. А твой Ангел-Хранитель поможет. И в небе, и в джунглях.

Я поцеловал её в губы. Самолёт начал выруливать на взлётку.

— Мой ангел-хранитель, наверное, уже устал от нас, — она притворно строга, но глаза смеются. — Сначала манго, теперь Амазонка. Скоро он потребует прибавку к зарплате.

Она переплела наши пальцы. Самолёт взмыл в небо, и Норма на секунду зажмурилась, прижимаясь лбом к моему плечу.

— Ну всё. Обратного пути нет. Теперь только джунгли, пираньи и твой сумасшедший друг Джон. Надеюсь, он знает, что делает. И что у него есть шоколад. А то я, кажется, начинаю привыкать к роли Крокодила Данди в юбке.

Через несколько часов она уснула у меня на плече. И во сне улыбалась.

«Интересно, — подумал я, — что ей снится? Манго? Или тот самый синий свитер, который она оставила в прошлой жизни?»

Глава 3. Рио

Стюардесса объявила о скорой посадке. Норма не открыла глаза сразу — только недовольно морщит нос, трётся щекой о моё плечо.

— Уже садимся? — шепчет она сонно. — А мне снилось, что мы плывём на плоту по шоколадной реке, а ты ловишь руками зефирных крокодилов... Зачем ты меня разбудил? Там было так вкусно.

Она выпрямляется, потягивается, поправляет волосы, которые за время сна умудрились превратиться в гнездо.

— И как я выгляжу? Ужас. На меня даже пираньи не позарятся. Только ты можешь любить такую растрёпанную.

Самолёт снижается. Норма хватает меня за руку и крепко

сжимает — не от страха, от предчувствия.

— Значит, Рио. А потом джунгли. Пиявки... Ты мне врать не смей — я потом проверю в Интернете.

Она смотрит в иллюминатор, где внизу уже проступают огни города, и вздыхает.

— Ладно. Покажи мне свою Бразилию. Только без карнавалов. Я не готова соревноваться в перьях с местными красотками. Лучше сразу води к твоему сумасшедшему другу.

Она поворачивается ко мне. Её губы трогает та самая улыбка — с вызовом и нежностью одновременно.

— Держи меня за руку. Хотя бы пока не приземлимся. В небе я ещё ничего, а вот на земле... на земле мне нужно чувствовать, что ты рядом.

Глава 4. Арсенал

Мягкая посадка. Мы выходим из аэропорта. Влажный, тяжёлый воздух Рио обрушивается на нас, как одеяло. Я вдыхаю его и чувствую, как внутри просыпается что-то, что я не чувствовал уже давно — предвкушение.

Нам нужна машина, карта и оружие. В этом порядке.

Норма (оглядываясь):

— Ты уверен, что знаешь, куда мы идём?

— Я знаю одного человека. Нам сказали о нём в аэропорту. Он работает в старом квартале.

Мы берём такси. Едем через город, мимо пляжей, мимо фавел, мимо жизни, которая течёт по своим законам. Норма

смотрит в окно и не говорит ни слова.

— Ты чего?

— Просто смотрю. Здесь всё другое. Не как в кино. Более... настоящее.

Мы останавливаемся у старого склада. Запах соли и ржавчины. Нас встречает высокий мужчина с седой бородой и глазами, которые не моргают. Его зовут Карлос.

Карлос (по-английски, с лёгким акцентом):

— Вы те, кто ищет снаряжение?

— Да.

Он ведёт нас внутрь. На стеллажах — ящики, на стенах — плакаты с оружием. Он открывает один из ящиков.

Карлос:

— У меня есть всё, что вам нужно. Если знаете, что искать.

Я смотрю на винтовки, дробовики, пистолеты. Карлос ждёт, пока я решу.

Карлос:

— Первое: что вы будете делать? Охота? Защита? Или просто для уверенности?

— Поиск. В джунглях. Может быть, опасные встречи.

Карлос (кивая):

— Тогда вам нужно что-то надёжнее. Не слишком тяжёлое, но мощное.

Он подходит к столу, где лежит несколько стволов. Он берёт один из них.

Карлос:

— Это М-16. Хорошая вещь. Лёгкая, точная. И для ближнего боя... — он вынимает дробовик. — Это «Ремингтон». Многозарядный. Если кто-то подойдёт слишком близко, он не успеет пожалеть.

Норма (смотрит на оружие, потом на меня):

— Ты действительно думаешь, что это понадобится?

— Я надеюсь, что нет. Но я предпочитаю быть готовым.

Я смотрю на мачете. Длинные, заточенные, с удобными рукоятками.

Карлос:

— Это для джунглей. Чтобы пробираться через заросли. Но если вы встретите кого-то, кто не хочет говорить по-хорошему, они тоже пригодятся.

Я беру два мачете.

— Беру всё.

Карлос (усмехаясь):

— Хороший выбор. Теперь — машина.

Он ведёт нас на другую сторону склада. Там стоит «Рендж Ровер». Чёрный, высокий, с большими колёсами.

Карлос:

— Надёжный. Проходимый. И не слишком заметный. В джунглях он будет как дома.

— Без проблем.

Я осматриваю машину, открываю дверь, заглядываю внутрь.

— Сколько?

Карлос:

— За оружие и машину — две тысячи. Наличными.

Я отсчитываю деньги. Карлос их не считает — просто суёт в карман.

Карлос:

— Удачи. И помните: если вы используете оружие, не оставляйте его у трупа. Это плохая примета.

— Запомню.

Мы выходим из склада. Я открываю дверцу «Рендж Ровера».

Норма:

— Ты серьёзно? Две тысячи за это?

— Мы не в магазине детских игрушек, Норма.

Она садится в машину и откидывается на сиденье.

— И это мы повезём через полицейские кордоны? Ты в своём уме? А если нас остановят — я сыграю роль перевозчика кокаина? Знаешь, номинация на «Оскар» за лучшую женскую роль в криминальной драме — не то, о чём я мечтала!

— Ладно... — голос её тише. — Ты же не дурак. Наверное, знаешь, что делаешь. Только, чур, я не буду стрелять. У меня маникюр. И вообще, от пальбы портится слух.

Она поворачивается ко мне, и в её глазах — неподдельная тревога.

— Ты хоть зарядил всё это? Или мы повезём игрушки для

пугания анаконд?

— Не геройствуй сверх меры, — наконец говорит она. — Мне нужен не мученик, а живой спутник. Джон пусть сам ищет своё золото. Мы поможем, но не ценой своей жизни.

Она натягивает огромные солнцезащитные очки, откидывается на сиденье и командует:

— Поехали. Пока я не передумала. И заедем в аптеку — мне нужно что-то от нервов. Успокоительное. Пару кило.

Я завожу мотор. «Рендж Ровер» мягко трогается с места, и мы уезжаем.

Карлос стоит у двери склада, глядя нам вслед. Его глаза всё ещё не моргают.

Глава 5. Аптека

Мы останавливаемся у аптеки. Через несколько минут Норма выходит с бумажным пакетом, который держит на вытянутых руках, будто он может взорваться.

— Значит так, — начинает она строгим голосом, но тут же сбивается на шёпот. — Я взяла всё, что там было. Три вида пластырей — один с крокодилом, один с обезьяной и один просто зелёный, наверное, от пиявок. Бинты. Много бинтов. И зелёнку. Ты умеешь накладывать швы? Умеешь? Нет? Я тоже нет. Но мы научимся. По ходу дела.

Она засовывает всё обратно, застёгивает пакет и убирает под сиденье. Затем поворачивается ко мне и вдруг, неожиданно серьёзно, кладёт ладони на мои щёки.

— Слушай, там, в аптеке, пока выбирала бинты... я представила, как ты перевязываешь мне руку. Или я тебе. И мне стало не по себе. Потому что я поняла: я не хочу, чтобы один из нас истекал кровью в этих чёртовых джунглях. Давай пообещаем друг другу: мы не будем героями. Мы будем умными. И вернёмся домой. Вместе.

Она уже застёгивает ремень безопасности, но спохватывается:

— Мы поедем через фавелы? Ты карту проложил? Или опять будешь полагаться на удачу?

Я кивнул в сторону навигатора.

— Умница. Тогда в путь. Джон, наверное, уже заждался. И я переживаю. Вдруг его съели? Или того хуже — подружили с местными?

Она усмехается, но в смехе слышится тревога.

«Интересно, — думает она, глядя на дорогу, — что я делаю в этой тачке? Месяц назад я боялась выйти на сцену без грима. А теперь еду в джунгли. С мужчиной, который называет меня Нормой. И мне не страшно. Странно».

— Поехали, Робинзон. Приключения начинаются. И пусть мачете будет под рукой. Но если нам попадётся что-то слишком большое, мы развернёмся и поедем в другую сторону. Я не подписывалась на встречу с тираннозавром. Даже ради Эльдорадо.

Глава 6. Дорога в никуда

Мы едем на северо-запад. Проезжаем города — сначала многолюдные, потом всё более пустые. А потом мы видим опустевшие поселения.

Словно люди впопыхах уезжали, бросая вещи. Разбитые окна — как глазницы черепов. Вывески качаются на ветру. Брошенная детская кукла без одной руки.

Норма молчит первые полчаса. Потом снимает очки и прижимается лицом к стеклу.

— Они просто... встали и ушли?

Мы проезжаем мимо заправки с разбитыми окнами. Насосы торчат, как ржавые цветы. Норма поёживается.

— Когда мы снимали нуар, художники специально старили вывески, разбивали стёкла, бросали куклу без руки для настроения. А здесь... здесь это по-настоящему.

Она замолкает, указывая пальцем в лобовое стекло. Кукла. Платье выцвело, одна рука валяется в пыли поодаль.

— Останови, — просит она, но тут же передумывает: — Нет, не надо. Просто... быстрее проезжай.

Она отворачивается от окна, сжимается в кресле.

— Ты понимаешь, что это не просто бандиты? Здесь война была? Или эпидемия? Почему Джон молчал про это? Господи, мы влезли в фильм ужасов, где в конце все умирают.

«Кроме меня», — думает она. — «Я уже умерла. И ничего, живу. Может, и они выживут?»

— Ладно. Драма закончена. Всё, что мы видим — прошлое. А мы едем в настоящее. И, надеюсь, оттуда — в будущее.

щее. — Она кладёт ладонь на мою руку. — Если увидишь, что я трясусь — не обращай внимания. Это акклиматизация. У меня всегда так перед страшными сценами.

«Джон, — думает она, — надеюсь, ты живой, идиот».

Глава 7. Погоня

Проезжая по пустой дороге, краем глаза я замечаю на обочине потрёпанный пикап. Спустя короткое время его капот мелькает в зеркале заднего вида. Он преследует нас.

Норма не сразу понимает. Она смотрит в окно на деревья. Но когда видит моё напряжённое лицо, медленно оборачивается.

— Это тот самый пикап? — её голос неожиданно спокоен, но слишком тих.

Она смотрит в зеркало. Её пальцы впиваются в подлокотник.

— Это не случайность, да? Они знают, что мы едем к Джону? Что им нужно? Деньги? Машина? Или они — мародёры?

Норма резко поворачивается. В её глазах — не паника. Холодная, собранная решимость.

— Ладно. Драма отменяется. Что делаем? Останавливаться нельзя. Может, оторвёмся?

Она лезет под сиденье, вытаскивает аптечку, потом замирает, понимая, что это не поможет, и отбрасывает её назад.

— Если они начнут стрелять... — она сглатывает. — Я не умею стрелять. Но если совсем худо — попробую.

Она сжимает мою руку на руле.

— Только не вздумай быть героем. Если придётся бросить машину и бежать в джунгли — бежим. Вместе.

Её дыхание учащается.

— Они всё ближе. Что делаем?

Не успевает она договорить — раздаётся выстрел. Короткая очередь по колёсам.

Норма пригибается, но тут же выпрямляется.

— Они стреляют! По колёсам! Хотят нас остановить!

Машину ведёт в сторону. Норма хватается за поручень.

— Не останавливайся. Пусть колёса разваливаются — дави на газ. Мы должны доехать до поворота, где дорога уходит в лес. Там они нас не достанут.

Она наклоняется вперёд, нащаривает под сиденьем холодную сталь дробовика.

— Я сейчас научусь стрелять. Экспресс-курс.

Ещё одна очередь прошивает правое зеркало. Осколки сыплются на сиденья. Норма не закрывает глаза.

— Скажи, что мы выберемся. Мне нужно это услышать.

— Выберемся, — говорю я.

Она снимает дробовик с предохранителя.

— Ну давай же, сукин сын. Подойди поближе. Я покажу тебе, как пугать голливудских звёзд.

Её пальцы касаются моей руки. Ледяные. Живые.

— Я люблю тебя. И если мы умрём — я тебя убью. А теперь — жми на газ.

Не успеваю я опомниться — Норма разворачивает ствол и нажимает на спуск. Грохот оглушает. Дробь уходит в решётку радиатора преследователей. Пикап виляет и на полном ходу влетает в лесную чащу.

Мы выжили.

Глава 8. Деревня

Деревня появилась не сразу. Сначала — только запах. Дым, жареная рыба, влажная земля и что-то сладкое, почти гнилое, но не противное. Потом — звуки: детский смех, стук топора, далёкий лай собак. И только потом — силуэты хижин, вырезанные из тумана.

Это было не поселение, а скорее живой организм, вросший в землю. Хижины стояли на сваях, крытые пальмовыми листьями. Между ними вились тропинки, утопанные до блеска. В центре — кострище, над которым висел чёрный котёл. Рядом, на циновке, сидел старик. Он был не просто стар — он был древним, как эти джунгли. Кожа, как пергамент, глаза — два тлеющих угля. На шее — ожерелье из зубов и костей, на пальцах — кольца, которые, казалось, вросли в кожу.

Норма держалась за мою руку, но не пряталась. Она смотрела по сторонам, и в её глазах было не удивление, а уважение. Она не говорила ни слова. Она просто чувствовала это место.

Старейшина поднял голову, когда мы подошли. Он смот-

рел на нас, не моргая. В его взгляде не было страха — только холодное спокойствие человека, который видел всё.

Рядом с ним стоял молодой парень — его внук, как я понимал. Он переводил, когда старейшина говорил. Я начал говорить на ломаном английском, но старейшина поднял руку и произнёс несколько слов на своём языке. Парень перевёл:

— Он говорит: «Гости приходят с запахом пороха. Но у вас — запах слёз. Вы ищете не золото. Вы ищете человека».

Я сглотнул.

— Да. Мы ищем нашего друга. Его зовут Джон. Он американец. Высокий, худой, с картами.

Старейшина молчал несколько секунд. Потом произнёс что-то на своём языке. Парень перевёл:

— «Гринго здесь был. Он был один. Он искал золотой город. Мы сказали ему не ходить — там болезнь и злые духи. Он не послушал. Он пошёл вверх по реке, к водопадам. Больше мы его не видели».

Норма сделала шаг вперёд.

— Болезнь? Какая болезнь?

Старейшина посмотрел на неё. Его лицо не изменилось, но я заметил, как он слегка наклонил голову.

— Он сказал: «Белая женщина не похожа на охотниц за золотом. У неё глаза грустные, а не жадные». Он добавил: «Он даст вам проводника до водопадов. Но дальше — сами. И берегитесь: в джунглях сейчас беспокойно. Чужие люди в камуфляже ходят, стреляют. Многих наших убили».

Старейшина снова произнёс что-то, и парень добавил:

— Он говорит: «Если увидите человека с белой повязкой на руке — не доверяйте ему. Он не человек. Он — тень».

Вокруг нас собрались люди. Женщины с детьми на руках, мужчины с мачете, старики, опирающиеся на палки. Они смотрели на нас без враждебности — скорее с любопытством. Одна маленькая девочка подошла к Норме и протянула ей цветок.

Норма взяла его, улыбнулась и сказала:

— Спасибо.

Старейшина посмотрел на меня и произнёс короткую фразу. Парень перевёл:

— Он говорит: «Завтра на рассвете проводник будет ждать вас у реки. Не опаздывайте. Джунгли не любят тех, кто ждёт».

Норма держала цветок, который дала ей девочка.

— Ты заметила, что они сказали? Про людей в камуфляже.

— Да. Значит, мы не одни ищем Джона.

— Или ищем то, что он ищет.

Она берёт мою руку.

— Спроси у старейшины, можно ли переночевать здесь? И есть ли у них спиртное? Мне нужно выпить. Или поспать. Я не знаю, что нужнее.

Она прижимается щекой к моему плечу. Усталая. Напуганная. Но здесь.

«Интересно, — думает она, глядя на огни костра, — ангел-хранитель устал от нас? Или он тоже сидит где-то в джунглях и курит, глядя на звёзды?»

Глава 9. Ночь у реки

Мы с Нормой провели ночь в деревне. После пережитого напряжения эта передышка стала бальзамом для души. Нас приняли радушно, накормили, дали отдельную хижину.

Костер трещал, бросая тени на лица. Норма сидела рядом со мной, прижимаясь плечом, и впервые за последние сутки казалась почти спокойной. Местные женщины накормили её пряным рагу — она жевала без аппетита, но не жаловалась. Дети с любопытством разглядывали её волосы, и Норма даже позволила одной девочке потрогать прядь.

— Знаешь, — шепнула она, когда костер прогорел до углей, — здесь хорошо. Без фальши. Без вспышек. Иногда мне кажется, что мы попали в другой мир. Тот, где люди ещё помнят, как быть людьми.

«Странно, — думает она, глядя на тлеющие угли. — В той жизни я боялась темноты. А здесь темнота — моя единственная зрительница. И она не аплодирует. Не требует улыбок. Просто молчит. И это... это почти как любовь».

Утром туман клубился над рекой. Проводник — молодой парень по имени Паулу — уже ждал у длинной долблёной лодки. Он молча кивнул, проверяя мотор.

— Ты уверен? — спросила Норма, глядя на тёмную воду.
— Там, где водопады... Джон мог попасть в беду. Или эти люди в камуфляже... Ты не боишься?

Проводник только пожал плечами и указал на два спасательных жилета.

Мы сели на скамьи. Норма вцепилась в борт, но не закрыла глаза, как раньше. Она смотрела на берег, на проплывающие стволы, на стаи птиц, взмывающих в небо.

— Скоро всё решится, — сказала она тихо, чтобы не слышал Паулу. — Или мы найдём Джона, или... я не знаю. Главное — чтобы мы оба вернулись. Помнишь? Никакого героизма.

Она достала из кармана маленькую веточку — тот самый талисман, что сорвала у дороги, — и зажала в кулаке.

— Я разговаривала ночью с ангелом-хранителем. Пока ты спал. Попросила присмотреть за нами. Он сказал, что постарается. Но чтобы мы тоже не дурачились.

«Интересно, — думает она, — ангелы курят? Или у них там, наверху, свои сигареты? Мой, наверное, уже вторую пачку выкурил, глядя на нас с тобой».

Мотор зарокотал громче, и лодка отчалила от берега, унося нас в густую зелень, где Эльдorado, возможно, ждал — чтобы раскрыть свои тайны или навсегда забрать тех, кто посмел приблизиться.

Глава 10. Тропа

Подплыв к берегу, мы попрощались с проводником. Я дал ему сто реал и попросил вернуться через семь дней к полудню.

Паулу кивнул, спрятал купюру в нагрудный карман, и лодка бесшумно отчалила, растворившись в зелёной дымке. Норма смотрела ей вслед, пока та не скрылась за поворотом.

— Семь дней, — повторила она, не оборачиваясь. — Ты уверен, что мы не заблудимся? И что нас не съедят раньше?

Она наконец повернулась ко мне. В её глазах читалось что-то новое — принятие. Она больше не спорила, не капризничала.

— Ладно. Семь дней. Джон. Клад. А потом — домой. Ты обещал мне манго и пончики, и я намерена их получить. Живой.

Она достала карту, которую я набросал со слов старейшины, и расстелила на валуне.

— Показывай. Куда идём, капитан? К водопадам? К пещерам? Или сразу в пасть к этим... в камуфляже? Помни: я не умею плавать, боюсь пауков, и у меня аллергия на неизвестность. Так что план должен быть идеальным.

Она взяла мачете — чуть короче моего, с удобной рукояткой.

— Идём? Время тикает. Раз — и мы в джунглях. Два — и мы герои. Три — и мы дома.

Она шагнула на тропу, едва заметную среди буйной растительности, и чуть заметно улыбнулась.

— Пошли. А то я передумаю. Веди, мой Робинзон. Я — твоя Пятница. Только более капризная и с маникюром.

Глава 11. Птицы

Мы успели пройти несколько сотен шагов, как в небо метнулась стая разноцветных птиц. Они взмыли над кронами деревьев с криком, который нельзя было спутать ни с чем — это был сигнал. Птицы не просто взлетели. Их кто-то спугнул.

— Стой, — сказал я, схватив Норму за руку.

Мы замерли. Джунгли замолчали. Даже насекомые стихли. Тишина стала плотной, почти осязаемой.

Норма (шепчет, не разжимая губ):

— Это не просто так. Птицы чувствуют опасность. Кто-то там, впереди.

— Я знаю. Я слышал шорох. Не птицы. Что-то тяжелее.

Норма придвинулась ближе. Её плечо дрожало, но голос оставался твёрдым.

— Может, это Джон? Или те, в камуфляже? Господи, только не говори, что нам придётся кого-то спасать с боем.

— Джон бы не прятался. Он бы кричал, как олень. А здесь — тишина. Слишком правильная.

Я прислушался. Где-то впереди, за плотной стеной листвы, раздался хруст ветки. Осторожный. Человеческий.

— Если это бандиты, мы не побежим. В джунглях нельзя показывать спину. Лучше встретить лицом к лицу.

Я медленно вытащил мачете из ножен. Металл блеснул в пробившемся через листву свете.

Норма (тихо):

— Скажи, что делать. Только быстро. Моя храбрость — как шампанское: если долго стоять, выдыхается.

— Идём медленно. Не прячемся. Если это они — они увидят нас первыми, но мы не дадим им времени на раздумья.

— А если это Джон?

— Тогда он увидит нас и сам выйдет. Если он ещё может ходить.

Я шагнул вперёд, держа мачете наготове. Норма шла за мной, не отставая. Её дыхание было ровным, но я чувствовал, как она сжимает рукоятку своего мачете.

— Мы не одни, — сказал я, не оборачиваясь. — Я чувствую это. Но мы не бежим.

— Я за тобой, капитан. Но если это Джон, он мне должен ведро шоколада. За моральный ущерб.

Я чуть улыбнулся, но взгляд не отрывал от зарослей.

— Договорились. А если это не Джон — я куплю тебе шоколад сам. Чтобы ты не боялась.

— Я не боюсь. Я просто переживаю.

— Тогда идём.

Мы двинулись вперёд, в тишину, которая уже не была плотной. Она стала живой.

Глава 12. Голоса

Едва мы замерли, слышали шаги и запах вонючей сигары. Кто-то шёл неподалёку, переговариваясь. Один из них говорил о стрельбе в пикап, клялся найти наглецов и оторвать головы.

Значит, это мародёры. Те, кого мы обезвредили на дороге. Или их дружки. В любом случае, они рядом.

Норма замерла, как статуя. Её лицо побледнело. Пальцы, сжимающие мачете, побелели на костяшках.

— Это они, — беззвучно прошептала она одними губами. — Те, из пикапа. Господи, они ищут нас.

Голоса становились ближе. Один — визгливый, с надрывным смешком. Другой — басовитый, с хрипотцой.

— Я ж говорю, Карлос, — басовитый сплюнул в кусты, — кто-то помог нашему грузовику в дерево въехать. Значит, рядом кто-то был. Или есть. Я найду ублюдков.

Норма прижалась ко мне всем телом. Её сердце колотилось где-то у моих рёбер.

— Надо уходить, — одними губами сказала она. — Сейчас. Что будем делать?

«Интересно, — промелькнуло в её голове, — ангел-хранитель видит это? Или он отвернулся, чтобы не смотреть?»

Голоса почти поравнялись с нашим укрытием. Тени двух вооружённых людей скользили между стволами.

Глава 13. Пленник

Только что эти двое прошли мимо, не заметив нас. Я при-

жался спиной к стволу дерева, чувствуя, как кора впивается в плечи. Норма замерла рядом, её дыхание было почти неслышным.

Голоса удалялись, но ветер доносил обрывки разговора.

— Нам ещё надо разобраться с этим вонючим американцем, — пробасил один. — Почти весь дух из него выбил, а он молчит. Как бы не откинулся раньше времени.

Норма прижала ладонь ко рту. Её глаза расширились. Она смотрела на меня, и я видел, как внутри неё всё обрывается.

— Это он, — прошептала она одними губами. — Джон. Они его пытаются. Господи, мы должны вытащить его!

Она схватила меня за плечи, её пальцы впились в ткань рубашки.

— Придумай что-нибудь. Пожалуйста. Я не могу стоять здесь и слушать, как они собираются его убить.

— Я знаю. Я слышу. И я не собираюсь стоять здесь.

— Ладно. Идём за ними. Узнаем, где лагерь. А потом... что-нибудь придумаем. Мы не уйдём отсюда без Джона. И без его карты. Потому что это не просто золото. Это его жизнь. И он мой друг.

Она вытерла тыльной стороной ладони непрошеную слезу.

— Веди. Только тихо. Я за тобой. Но если они нас увидят... — она положила руку на рукоять мачете, — я закричу. Очень громко. У меня хорошие лёгкие. Ещё со времён «Джентльмены предпочитают блондинок».

Я взял её за руку. Её пальцы дрожали, но она не отдернула руку.

— Ты не будешь кричать. Мы не дадим им увидеть нас. Мы будем тише, чем они. Идём.

Я двинулся вперёд, пригибаясь, стараясь ступать бесшумно. Норма шла за мной, и я чувствовал, как она старается копировать мои шаги.

— Мы не знаем, сколько их, — сказал я почти беззвучно. — Но мы знаем, что они хотят. Они хотят карту и золото. А мы хотим Джона.

— И мы его заберём.

— Мы его заберём.

Я сделал шаг вперёд, раздвигая листву. Голоса уже почти стихли, но я видел их спины — двое, с автоматами, с грубой силой в движениях.

— Я пойду за ними. Ты — за мной. Если я подниму руку — ты замираешь. Если я махну — ты бежишь ко мне. Поняла?

— Поняла.

— И не кричи. Даже если увидишь что-то страшное. Мы справимся.

Я шагнул в тень.

Глава 14. Лагерь

Мы бесшумно последовали за ними. Я держался в тени, Норма — за мной. Лагерь открылся неожиданно — прямо в

чаще, будто его вырезали из джунглей. Шесть палаток, одна в центре, и деревянный сарай из крепких брёвен. Рядом дежурил бородатый верзила под два метра ростом. Винтовка в его лапищах казалась игрушечной.

Те двое подошли к верзиле, о чём-то переговорили и разошлись по палаткам. Стало тихо. Только стрекот цикад и где-то вдалеке крик птицы.

Лагерь замер в предрассветной тишине. Норма присела за стволом упавшего дерева, не сводя глаз с бревенчатого сарая.

Норма (почти беззвучно):

— Джон там. Я чувствую.

— Я тоже.

Я оглядел лагерь, запоминая расположение палаток, тропинки, возможные пути отхода.

Норма:

— Шесть палаток. Один часовой. Остальные спят или пьют. Что будем делать?

— Ты видишь того, с бородой? Он — главное препятствие. Если мы уберём его, остальные не сразу поймут, что произошло.

— Я могу отвлечь его. Сделаю вид, что заблудилась. А ты — в сарай. Вытащишь Джона — и в лес.

Я посмотрел на неё. В её голосе не было паники — только холодный, расчётливый страх.

— Нет.

— Почему?

— Потому что если он схватит тебя, я не смогу одновременно тащить Джона и вытаскивать тебя. Мы делаем иначе.

— Как?

— Я подойду к нему сзади. А ты будешь прикрывать меня. Если я не справлюсь — ты стреляешь. Не в него, в сторону. Шум отвлечёт остальных, а я успею вытащить Джона.

Норма сглотнула. Её пальцы сжали рукоятку мачете.

— Я никогда не стреляла в человека.

— Я тоже.

Мы посмотрели друг на друга. Тишина стала плотной.

— Ты справишься, — сказал я. — Ты справишься, потому что у нас нет выбора.

Норма медленно кивнула.

— Хорошо. Но если они заметят нас — мы бежим вместе.

— Вместе. Договорились.

Я положил руку на плечо Нормы и посмотрел на сарай.

— Я иду. Ты прикрываешь. Через две минуты — я либо с Джоном, либо нет. Если я не выхожу — ты уходишь.

— Нет. Я не уйду без тебя.

— Тогда сделаем так, чтобы мне не пришлось выходить одному.

Я шагнул вперёд, в тень. Норма замерла за стволом, держа мачете наготове. В её глазах я видел всё — страх, любовь, решимость. И это придавало мне сил.

Глава 15. Пчёлы

Я остановился на мгновение, когда Норма уже почти вышла из укрытия. Я посмотрел вверх — и увидел его. Улей. Чуть выше человеческого роста, в развилке ветвей. Прямо над центром лагеря.

— Стой.

Норма замерла, обернулась.

— Что? Я думала, мы идём.

— Я передумал. У меня есть другая идея.

Я указал на улей.

Она проследила за моим взглядом и сначала не поняла. А потом до неё дошло.

Её глаза округлились, она открыла рот, словно хотела закричать, но сдержалась.

— Ты спятил? Дикие пчёлы! Если мы их растревожим, они нас съедят! Я не хочу умереть от анафилактического шока в джунглях!

— Не съедят, если мы будем быстрее.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно.

Я начал шептать ей план.

— Я снимаю улей, мы отходим, я стреляю в него, они набрасываются на лагерь. Пока они орут — мы бежим к сараю.

Она слушала, закусив губу. Потом медленно кивнула — с ужасом и восхищением.

— Ты уверен, что это сработает?

— Нет. Но это лучше, чем идти на верзилу с мачете.

Она покачала головой, но в глазах уже не было сомнения.

— Ладно. Рискнём. Но если меня ужалят — ты будешь ухаживать за мной до конца жизни. И покупать манго каждый день. Договорились?

— Договорились.

Мы пригнулись и крадучись двинулись к дереву с ульем. Я снял куртку, обхватил улей, стараясь не потревожить его. Пчёлы загудели — но не взлетали. Я задержал дыхание и снял улей с ветки. Он был тяжёлым, тёплым, живым.

Я отступил на несколько шагов, размахнулся и швырнул улей прямо в центр лагеря. Когда клубок оказался на земле — я выстрелил из дробовика ровно в гнездо.

Рой взвился в воздух чёрным облаком.

Лагерь превратился в ад. Первым выскочил верзила — его бороду облепили пчёлы. Он заорал, закрутился на месте, пытаясь сбить жужжащую ярость. Из палаток вываливались остальные — кто в трусах, кто с замотанной головой, кто сразу начинал стрелять в воздух.

— Пчёлы! Карлос, это пчёлы! — завопил визгливый, убегая с автоматом.

Норма, зажав уши, оттащила меня за ствол.

— Ты сумасшедший! — крикнула она, но в её голосе звучал дикий восторг. — Это гениально! Джон! Пока они заняты — к Джону!

— Бежим! — крикнул я.

Она схватила меня за руку, и мы бросились к сараю.

Глава 16. Спасение

У сарая было тихо. Мы подбежали, я дёрнул дверь — заперто.

— Ломай! — скомандовала Норма, вскидывая дробовик.
— Быстрее, пока не очухались! Джон! Мы пришли!

Я ударил ногой по замку — раз, другой. Дверь поддалась, распахнулась.

Внутри, у стены, лежал Джон. Его трудно было узнать. Разбитое лицо, руки и ноги в ссадинах, на груди и спине — шрамы от побоев. Живой. Но на грани.

— Он жив! — крикнула Норма. — Тащи его!

Я схватил Джона под руки, Норма — за ноги. Мы вытащили его на воздух.

Сзади раздавались крики, выстрелы, рёв. Мы бежали, не оглядываясь, сквозь заросли.

Норма, стиснув зубы, тащила его за правую руку. На её светлой рубашке расплывалась кровь.

— Только не умирай, — бормотала она как заклинание.
— Мы тебя вытащили не для того, чтобы ты отдал конец в джунглях.

— Не умрёт, — сказал я. — Мы не дадим.

Я перехватил Джона поудобнее, чувствуя, как он тяжело дышит.

— Держись, Джон. Мы почти ушли.

Он не ответил, но его рука чуть сжалась на моём плече. Этого было достаточно.

— Там, впереди — река, — сказала Норма. — Если мы доберёмся до воды, они потеряют след.

— Тогда бежим.

Мы побежали дальше — в тишину, которая уже не была враждебной.

. Глава 17. Грот

Лес сгущался. Воздух стал тяжелым, влажным, как мокрая тряпка, которую кто-то набросил на плечи. Тропа вилась между корнями-исполинами, то исчезая, то появляясь снова, будто лес играл с ними в прятки. Джон тяжело висел на моих плечах, изредка постанывая сквозь разбитые губы — каждый шаг отдавался в его теле глухой, мокрой болью. Норма, несмотря на усталость, шагала в ногу. Я слышал её дыхание — частое, но ровное. Она держалась.

— Не нравится мне эта тишина, — выдохнула она, не замедляя шага. — словно лес притаился. Как перед ударом.

— Знаю, — ответил я. Голос прозвучал глухо, словно я говорил через слой ваты. — Я тоже её чувствую.

Тишина была плотной. Слишком плотной. Ни птиц, ни цикад — только глухой, влажный воздух, обволакивающий лицо, да хруст листьев под ногами. Иногда, где-то глубоко в лесу, что-то вздыхало — или казалось, что вздыхает. Норма посмотрела на меня, и я увидел, как её пальцы сжались на

рукоятке дробовика. Она молчала, но я знал: она тоже слышала.

Мы нашли небольшой грот у корней гигантского дерева — ствол в три обхвата, корни, уходящие в землю, как пальцы древнего чудовища. Вход был узким, скрытым папоротником. Я заглянул внутрь. Пахло сыростью, гнилыми листьями, землёй и — странно — чем-то сладким, почти фруктовым. Безопасно. Норма опустила Джона на мох, на ощупь влажный и упругий, словно он дышал вместе с лесом.

— Давай сюда, красавчик, — выдохнула она, опускаясь на колени. — Только не вздумай умирать на моих руках. Я не подписывалась на такое.

Она прижала пальцы к его шее. Секунда. Другая. Её лицо чуть расслабилось.

— Жив, гад, — усмехнулась она, но в голосе — не злая, уставшая. — Пульс слабый, но ровный. Ты обязан мне купить новую рубашку, понял? И шоколад. И манго. И чтобы никаких «но».

Она рванула подол своей рубашки, и ткань треснула — сухо, резко. Я нагнулся, чтобы обработать раны Джона. Он очнулся. Его мутный взгляд сфокусировался на наших лицах — медленно, словно через воду. Губы пошевелились.

— Вы... вы дураки... — его голос был хриплым, как сухая трава. — Зачем?... Клад... Они убьют вас...

— Заткнись, Джон, — отрезала Норма, не поднимая головы. — Мы уже здесь. А пока — лежи и не рыпайся. Даже

не думай геройствовать. Это моя работа.

Она подняла глаза на меня. В них была усталость, но не было сомнения.

— Ты знаешь, что делать. Они придут в себя, пошлют людей по следу. Собаки, скорее всего. Джон не сможет идти быстро. Если он будет с нами, он нас затормозит, даже если не признается себе в этом. Надо заметать следы. Или найти место, где отсидеться.

— Отсидеться? — переспросил я. — В лесу, который знает их лучше, чем нас?

— Я не говорю «ждать», — она чуть нахмурилась. — Я говорю «придумать». Это разные вещи.

Я присел на корточки, перехватил её ладонь и крепко сжал.

— Мы придумаем. Мы всегда придумывали. Ты справишься.

Норма не отняла руки, посмотрела на меня — и улыбнулась. Не ярко, не театрально. Тихо. Так, как улыбаются люди, которые устали, но верят.

— Твоя Норма теперь не только капризная актриса, — сказала она, и в голосе — не пафос, а чистая правда. — Она — твой солдат. Если надо — я прикрою. Даже без маникюра. Но, чур, выбираемся все трое. Это не обсуждается.

Я хотел ответить, но в этот момент где-то в лесу — далеко, но отчётливо — послышался треск сучьев. Не ветер. Слишком резкий, слишком грубый. Кто-то шёл. Не один. Лес ожи-

вал.

Норма вздрогнула, но не отшатнулась. Сжала рукоятку дробовика так, что побелели костяшки, и посмотрела мне в глаза:

— У нас есть пять минут. Что делаем?

Я встал, снял с плеча рюкзак и начал рыться в нём.

— Сейчас мы кое-что предпримем. Джон, держись.

Глава 18. Карта

Джон пришёл в себя не скоро. Он лежал на мху, прижимая руку к перевязанному боку, и смотрел в потолок грота, где свисали корни, похожие на спутанные волосы. Воздух в гроте был тёплым, но влажным — липкая духота обволакивала горло, заставляя дышать чаще. Где-то в глубине капала вода. Норма сидела рядом, на корточках, перебирая свои бинты — то, что осталось от её рубашки.

— Ну, рассказывай, — сказала она, не поднимая глаз. — Как ты вообще влез в это дерьмо?

Джон усмехнулся сквозь разбитые губы, и эта усмешка вышла скорее похожей на гримасу боли. Он перевёл взгляд на меня, потом снова на неё. Говорил тихо, с паузами, как человек, который с каждым словом вспоминает заново, как больно жить.

— Проводники, — начал он. — Я нанял их в городе. Заплатил больше, чем они просили. Думал, что деньги — хороший повод для верности. Ошибся.

— Они предали, — сказал я. Это был не вопрос.

— Они нашли первый тайник. Совсем мелкий, несколько монет. Но этого хватило, чтобы алчность проснулась. Они решили, что я им больше не нужен. Что карта — их. И я — лишний.

Норма хмыкнула, перевязывая его рану. Движения её были грубыми, но осторожными — как у человека, который не привык к такой работе, но понимает, что должна сделать её хорошо.

— Везучий идиот, — бросила она. — Тебя бы уже съели, если бы мы не появились.

— Я знал, что рано или поздно придётся прятаться, — слабо улыбнулся Джон. — Только не думал, что меня будут спасать голливудские звёзды.

— Голливудские звёзды, — Норма фыркнула, но в голосе не было злости. — Ты бы видел меня без макияжа. Я бы тебя напугала до смерти, ещё до змей и бандитов.

Она посмотрела на меня, чуть склонив голову:

— Он сказал, что карта спрятана. В надёжном месте. Это правда?

— Да, — ответил Джон, прикрывая глаза. — В одной из пещер я нашёл чей-то схрон. Старый. Там были инструменты, припасы, верёвки. Я спрятал карту там. И ещё...

— Что ещё? — спросил я, настороженно переглянувшись с Нормой. Её рука на мгновение замерла, но она не подала виду.

— Там кое-что было. Я не знаю, что это. Но я подумал, что если найду сокровища, эта вещь может пригодиться.

— Вещь? — спросила Норма, и я почувствовал, как её внимание обострилось. — Что за вещь?

— Я... я не знаю. Она была в кожаном мешочке. Старая, с камнем. Внутри что-то есть. Я не открывал.

Я чувствовал, как Норма на мгновение замерла, но её голос остался ровным, спокойным:

— Ладно, потом разберёмся. Сначала — карта. Где она?

— В пещере, — сказал Джон и поднял руку, показывая направление. — Если мы доберёмся до водопадов, я смогу туда провести. Там есть тайный вход.

Норма вздохнула, потирая плечо — под разорванной тканью начинал проступать синяк, тёмный, почти фиолетовый. Она поморщилась, но ничего не сказала.

— Значит, ключ к сокровищам — у водопада, — подвела итог она. — А бандиты — здесь. Если мы хотим их опередить, надо идти сейчас. Я не знаю, как правильно, — сказала она, и в её голосе наконец прорвалась усталость. — Я никогда не была в таких переделках. Но если ты считаешь, что надо идти — я пойду.

В её глазах светилась надежда. Усталая, но настоящая. Не киношная. Я кивнул.

— Идём.

Глава 19. Динамит

Джон повёл нас через лес. Шёл он медленно, опираясь на моё плечо, но с каждой минутой шаг становился увереннее. Лес был густым, влажным, пахло прелыми листьями и гнилой древесиной. Где-то над головой шумели кроны, но ветра не было — просто воздух двигался, как живой.

— Там, — Джон кивнул вперёд, указывая на небольшую расщелину в скале, скрытую лианами. — Я оставил всё там.

Мы зашли внутрь. В пещере было сухо и темно, пахло старой пылью и чем-то металлическим. Джон остановился у груды ржавых ящиков.

— Вот, — он ударил по одному из них, и тот отозвался глухим гулом. — Динамитные шашки. Можно устроить завал. Задержать их надолго.

Норма посмотрела на меня. Её лицо было напряжённым, но в глазах — не страх, а расчёт.

— Решай, капитан. Короткий путь через скалы — риск. Но это шанс переиграть их в скорости.

Я взвесил всё. Секунду. Другую. Потом кивнул.

— Короткий путь.

Она не переспросила. Просто подошла к ящику и подала мне пару шашек, обёрнутых в промасленную бумагу.

Я поджёг фитиль. Норма, пригибаясь, потащила Джона за большой валун. Я побежал следом — и в этот момент воздух вокруг взорвался гулом. Сначала тишина, а потом — глухой, тягучий удар, от которого земля под ногами дрогнула.

— Ложись! — крикнул я, падая рядом с ними. Грохот

обрушился лавиной, куски скалы посыпались вниз с глухим стуком, заполняя проход пылью и камнями. Когда она осела, проход был завален огромными обломками.

— Надеюсь, мы не замуровали себя с другой стороны, — прошептала Норма, поднимаясь и стряхивая с волос пыль.

Джон, опираясь на меня, поднялся.

— Не найдут, — сказал он, и в его голосе впервые за долгое время появилась уверенность. — Есть только один путь к обсерватории. Теперь он закрыт.

Глава 20. Храм

Мы двинулись дальше. Лес за скалами был другим — более сухим, воздух — легче, без той гнилой влажности, что душила нас в низине. Тропа вилась между древними камнями, поросшими мхом. Норма шла впереди, держа дробовик наготове.

— Смотри, — вдруг сказала она, указывая в просвет между деревьями. — Там башня.

Это была обсерватория. Полуразрушенная, затянутая лианами, она стояла на скалистом выступе, как старый страж, забытый временем.

— Дуб, — прохрипел Джон, показывая на корявый ствол над обрывом. — Под корнями — карта.

Я подошёл к дубу. В корнях торчала коряга. Я ухватился за неё и потянул. Из-под земли показался кожаный свёрток, пропитанный смолой.

— Она здесь, — сказал я.

Норма вскинула дробовик, прикрывая меня:

— Бери и бежим. Я чувствую, что они уже близко.

Мы рванули обратно в тень. Джон дрожащими руками развернул пергамент. Настоящая карта — пометки на трёх языках, стрелки, кресты, очертания рек.

— Здесь, — Джон ткнул пальцем в красный кружок. — Подземный храм. Вход с восточной стороны плато.

— И что там? — спросила Норма, подходя ближе.

— Там... змеи. Ядовитые. Очень много змей. Путь лежит через ущелье. И нужны верёвки.

Норма наклонилась над картой, склонив голову, и в её глазах промелькнула тревога.

— Змеи — это плохо. Но если там есть снаряжение — мы сможем пройти.

Джон кивнул, опираясь на моё плечо.

— В башне. Я оставил верёвки там, когда в первый раз проходил через это место.

— Тогда идём, — сказала Норма, и её голос прозвучал твёрже, чем когда-либо. — Мы поднимемся.

Глава 21. Змеи

За эти дни мы с Нормой стали одним целым. Не на словах — на деле. Я смотрел на неё и иногда думал: зачем я втянул её в это? Пусть мы вернёмся живыми — но главное не золото. Главное — что она рядом.

Норма вдруг остановилась и посмотрела на меня. В её взгляде — усталая, глубокая нежность.

— Я слышу, о чём ты думаешь, — тихо сказала она. — Ты винишь себя. Но забудь об этом. Я сама выбрала — сесть в самолёт, взять дробовик, идти за тобой.

Она подошла ближе, взяла мою ладонь и прижала к своей груди. Не для эффекта — чтобы я чувствовал её сердце.

— Знаешь, я всю жизнь играла сильных женщин. А на деле за кадром всегда кто-то стоял — режиссёр, агент, продюсер. Здесь я впервые чувствую, что моя жизнь — моя. Потому что ты видишь Норму. Ту, которая боится, но идёт. Ту, которая устала, но не сдаётся.

Она провела пальцами по моей щеке, стирая грязь.

— И не смей больше винить себя. Мы команда. Вместе пришли — вместе уйдём.

Глава 22. Вход в храм

Мы вошли в храм. Здесь было тихо — почти тихо. Лёгкий шелест нарушал тишину. В луче фонаря сверкнули чьи-то глаза.

— Змеи, — прошептал я.

Питоны обвивали каменные изваяния. Ярко-зелёные аспиды свисали с потолка, как гроздья ядовитого винограда. У алтаря клубок змеиных тел напоминал живой ковёр.

Норма замерла. Её пальцы, сжимавшие дробовик, побелели.

— Только не это, — прошептала она. — Только не змеи...

— Коралловые аспиды, — хрипло сказал Джон. — Очень ядовитые. Противоядия нет.

Норма медленно попятилась, вжимаясь спиной в мою грудь.

— Нам нужно пройти через это? Мы сумасшедшие?

Сзади, в проходе, послышались голоса и лай. Собаки взяли след.

Норма сделала глубокий вдох — медленный, глубокий, как перед прыжком в воду.

— Ладно. Если вы, два идиота, собрались идти — я с вами. Но, чур, я замыкающая. И если одна из этих тварей кинется — я выстрелю.

Она перекрестилась по-детски, истово, и поправила лямку дробовика.

— Веди. Только не спеши. И если наступишь на хвост — я тебя убью раньше, чем яд подействует.

Глава 23. Ад

Это была самая длинная дорога в моей жизни. Десять метров живого, шипящего ковра. Мы шли медленно, почти касаясь земли. Что-то проползло под ногами. Сердце сжалось от страха.

Нам оставалось два метра до выхода, когда у входа в храм показались собаки и их хозяева.

Время замерло. Псы налетели на первых змей, взвизгнули,

пытаясь затормозить. Бандиты открыли огонь. Пули засвистели, отскакивая от колонн. Эхо выстрелов превратилось в грохот.

Но самое страшное было другим: потревоженные змеи пришли в движение. Клубки на алтаре расползались, с шипением устремляясь к непрошеным гостям. Визг собак перешёл в предсмертный вой.

— Бежим! — заорал я и рванул к выходу, не отпуская руки Нормы. Джон, забыв про боль, перешёл на галоп.

Бандиты, охваченные ужасом, пытались отстреливаться — но стрельба лишь раззадоривала змей. Один из головорезов упал, обвитый питоном. Другой побежал обратно в пещеру.

— Сюда! — крикнул Джон, указывая на низкий проход за алтарём. — Там лестница!

Мы нырнули в темноту. Змеиный ад поглотил погоню.

Глава 24. Живые

Мы остановились в небольшом гроте. Джон рухнул на пол, ловя ртом воздух.

— Кажется, оторвались, — прохрипел он. — Те, кто выживут, пойдут за нами. Нужно найти сокровища и убираться через другой выход.

Норма прислонилась к стене, закрыла глаза. Её губы беззвучно шептали «Отче наш». Потом она открыла глаза и посмотрела на меня.

— Никогда в жизни больше не пойду искать приключения. Буду лежать на диване и смотреть мыльные оперы. А ты будешь приносить мне манго и рассказывать стихи. Обещай?

— Обещаю, — сказал я, прижимая её к себе. — А теперь — идём. Золото уже где-то рядом.

Норма вдруг рассмеялась, утыкаясь носом мне в плечо.

— Никакой одежды, — пробормотала она. — Ты обещал. И если под пледом не будет моего ангела-хранителя — я оби-жусь.

Она поцеловала меня в щёку, подхватила дробовик и кивнула в сторону темноты.

— Идём. Но, чур, после — никаких приключений. Только манго, диван и мы.

Глава 25. Золото

Мы пошли дальше. Джон, почти не хромая, бежал впереди, подсвечивая фонарём. Норма держалась за мою руку, едва поспевая, но не жаловалась.

— Мы почти на месте, — крикнул он, обернувшись. — Видите проход? За ним — главный зал. Там золото.

Проход расширился. Мы вышли в огромный зал. Фонари выхватывали из темноты статуи, покрытые патиной, алтарь с каменными письменами и груды амфор.

— Раскопки, — разочарованно сказал Джон. — Археологический слой. Но где драгоценности?

— Может, они глубже? — спросила Норма, проведя рукой

по холодному камню статуи.

Джон развернул карту. Вдруг его лицо просветлело.

— Смотрите! Здесь изображён тайник! Под алтарём!

Мы подошли к алтарю. Втроём налегли на каменную плиту — она поддалась, открывая тёмный провал.

Внизу, метрах в трёх, что-то блеснуло. Золото. Монеты, украшения, статуэтки — грудa, мерцающая в свете фонарей.

— Мы нашли, — выдохнул Джон. — Эльдorado... Оно существует.

Норма сжала мою руку так, что пальцы хрустнули.

— Мы сделали это, — тихо сказала она. — А теперь — как выбиратьcя? И как унести это, чтобы нас не убили?

Она посмотрела на меня, и в её взгляде было не жадность, а тихая, усталая радость.

— Ты был прав. Это приключение стоило того. Не из-за золота. Из-за нас.

Она поцеловала меня в щёку и кивнула на тайник.

— Ну, давай. Посмотрим, насколько мы богаты. А потом — домой. Обещаешь?

Я кивнул.

Глава 26. Перстень

Мы спустились вниз. Золото Инков окружало нас со всех сторон: амулеты, кольца, ожерелья, кувшины, монеты с изображением солнца. Джон и Норма наполняли рюкзаки. А мой взгляд привлёк небольшой предмет — перстень. Невероят-

ной работы, отделанный драгоценными камнями. На кольцо — змея и надпись, которую я не мог разобрать.

Что-то тянуло к нему. Я протянул руку и надел перстень.

В моей голове тут же раздались голоса. Перстень сел на палец как влитой — холодный, но спустя секунду начал нагреваться, словно впитывая тепло моей крови. Голоса — не галлюцинация. Перстень позволял слышать мысли.

«Нужно взять побольше слитков, — думал Джон. — А украшения — потом. Главное — выйти до рассвета».

Но его следующие мысли заставили моё сердце сжаться.

«Я столько выстрадал. Столько лет. А они... они просто появились. И уже хотят делить? Нет. Я не могу. Слишком долго ждал. Простите. Вы поймёте. Если останетесь живы...»

Норма напевала себе под нос, складывая монеты и браслеты.

«Как красиво. Оставляю пару колец на память. Это ожерелье — к синему платью, которое он любит. Главное, чтобы Джон не слишком жадничал...»

Потом она глянула в мою сторону и усмехнулась про себя:

«Стоит с перстнем, как заворожённый. Надеюсь, он не хочет стать властелином мира. Мне и такого сойдёт... только бы живой».

Голос Джона снова прорвался — злой, встревоженный:

«А этот надел кольцо. Что за чертовщина? Надо было не показывать им тайник. Поделиться, конечно, но не поровну».

Я тут главный. Может, оставить их здесь?..»

Я почувствовал, как перстень нагрелся сильнее.

Норма заметила моё замешательство, подошла ближе.

— Ты чего застыл? Кольцо не нравится? Давай помогу снять.

Она протянула руку. Я услышал её мысль:

«Какой же он бледный. Не хватало ещё, чтобы сознание потерял. Или чтобы кольцо было проклятым. Чёрт, всё может быть».

Джон тем временем поднял с пола мачете, положил рядом с рюкзаком. Его мысль была чёткой и пугающе ясной:

«Если что — я готов. Золото не терпит свидетелей».

Я отшатнулся от Нормы, не давая ей дотронуться до перстня.

— Не надо. Всё в порядке, — выдавил я, стараясь говорить ровно. — Собирайтесь. Держитесь ближе ко мне.

«Теперь я могу читать мысли. Но какой ценой?» — подумал я.

Глава 27. Предательство

Я сделал вид, что люблю украшениями, но краем глаза следил за Джоном.

— Выходим по одному, — сказал я. — Я первый, потом Норма, потом ты, Джон. Без стрельбы. Если услышите шум — замирайте.

Джон кивнул, но я прочитал его мысль:

«Пусть идёт первым. Встретит бандитов — мне же лучшие. А я под шумок выскочу с другой стороны».

Норма взяла меня за руку. Я услышал её:

«Зачем разделяет? Боится, что Джон предаст? Или сам что-то задумал? Ладно, будь что будет».

Мы двинулись к выходу. В змеином зале было тихо — рептилии успокоились.

У выхода я пропустил Норму вперёд. Но Джон вдруг опередил её, протиснулся мимо и, не оглядываясь, шагнул в тоннель.

— Стой! — крикнул я, но было поздно.

Из темноты донёсся его голос:

— Я первый! А вы оставайтесь, если хотите. Я своё возьму и без вас!

Он ушёл, и через секунду его шаги затихли.

Норма рванулась за ним, но я схватил её за руку.

— Пусть идёт. Чем быстрее уйдёт, тем безопаснее для нас.

Я знал, что это ложь. Но читать мысли ушедшего я больше не мог.

Норма смотрела в темноту, куда исчез Джон. Её губы дрожали.

— Он бросил нас? Мы спасли его... вытащили из того сарая, перевязали раны... А он взял золото и ушёл?

Она повернулась ко мне. В её глазах стояли слёзы — не от обиды, от отвращения.

— В Голливуде таких называют «крысами». Они готовы

перешагнуть через кого угодно ради денег. А я думала, здесь, в джунглях, всё по-честному... Дура.

Она ударила кулаком по стене — не больно, скорее от бессилия.

— Ладно. Бог с ним, с золотом. Пусть подавится. Мы выбираемся. Другой дорогой.

Она взяла меня за руку, крепко, и посмотрела в глаза.

— Ты — не Джон. Ты не бросишь меня. Потому что ты мой маяк. А я... я не знаю, кто я. Но я здесь. И я не уйду.

Глава 28. Река

Мы выбрались к реке. До встречи с проводником оставалось три дня. Мы соорудили шалаш, сделали ловушки для мелкой дичи, нашли воду. Норма держалась мужественно, не жаловалась.

Вечером сидели у костра, слушая шум реки. Перстень молчал — возможно, сработал только раз. Или я просто устал.

Норма уснула первой, положив голову мне на плечо. Я остался караулить, сжимая дробовик.

«Интересно, — подумал я, — Джон выбрался? Или его нашли бандиты? И почему мне всё ещё не всё равно?»

Мы развели костёр под навесом из веток, чтобы дым рассеивался. Норма сидела рядом, перебирая золотые монеты и украшения, оставшиеся у нас — несколько колец и цепочек.

— Не много, — сказала она, усмехнувшись. — Но хватит, чтобы начать новую жизнь. Без съёмок, без продюсеров, без

этого вечного «улыбнись, Мэрилин».

Она посмотрела на огонь.

— Знаешь, я ни разу не пожалела, что поехала с тобой. Даже когда ползла по змеям. Даже когда стреляла. Даже сейчас.

Она повернулась ко мне и положила ладонь на мою руку.

— С тобой я чувствую себя живой. Не звездой. Просто женщиной, которую могут спасти и которая может спасти. Это дороже любого золота.

«В той жизни я умирала от скуки и страха, — думает она, глядя на угли. — В этой — умираю от усталости и счастья. Разница колоссальная».

Глава 29. Возвращение

Утром прибыл проводник. Мы собрались, забросили рюкзаки в лодку и отчалили. Норма сидела рядом, прижавшись плечом, и смотрела на проплывающие берега.

— Я хочу мороженое, — вдруг заявила она. — Много. Со вкусом манго. И чтобы никакие змеи не лезли.

Я невольно рассмеялся.

— Будет тебе мороженое. И ванна. И шёлковые простыни.

— И ты, — добавила она. — Не забудь про тебя.

В аэропорту она упала на пассажирское сиденье, достав из кармана зеркальце.

— Грязь, синяки, волосы соломой. Надеюсь, нас не примут за бомжей.

Я сел за руль.

— Ты как? — спросил я.

— Жива. Кажется. Даже почти счастлива. Если не считать змей, стрельбу и предательство друга. В остальном — отлично.

Она помолчала, потом рассмеялась.

— Знаешь, я бы ни за что не согласилась на такой сценарий в кино. А в жизни... это было самое настоящее приключение. Спасибо тебе, капитан.

Она потянулась и поцеловала меня в щёку, после чего свернулась калачиком на сиденье, положив голову мне на колени.

— Вези нас домой. Я посплю. Только если увижу во сне змей — разбуди.

Глава 30. Дом

Мы подошли к концу путешествия. Норма смотрит на меня с тем спокойствием, которое бывает только после бури.

— Я хочу остаться с тобой. Не на день, не на неделю. Навсегда.

Я снимаю перстень — не хочу проверять её мысли. Мне достаточно её слов.

— Никогда не был так согласен.

Мы обнимаемся. Напряжение этих дней уходит. Дома пахнет знакомо — деревом, книгами, уютом. Норма проходит по комнатам, касаясь пальцами стен.

— Я думала об этом всю дорогу, — говорит она. — Я не хочу возвращаться в ту жизнь. Где я — Мэрилин Монро, звезда, товар. Я хочу остаться здесь. С тобой.

Она улыбается — той улыбкой, от которой таяли миллионы. Но теперь она принадлежит только мне.

— Тогда обними меня. И не отпускай. Никогда.
Я обнимаю её. Время останавливается.

Глава 31. Тишина после бури

Дни после возвращения из Амазонки тянулись медленно. Норма привыкала к новой жизни — к моей квартире, к её тишине, к тому, что не нужно никуда спешить. Она готовила завтраки, читала мои книги, иногда подолгу смотрела в окно.

«Интересно, — думал я, глядя на неё, — что она там видит? Небо? Или ту, другую жизнь, которую оставила в прошлом?»

Я не спрашивал. Я просто был рядом.

Она не говорила о том, что было в джунглях. Не потому, что прятала — просто слова казались лишними. Мы научились молчать вместе. Это было наше новое «вместе»: когда тишина не давит, а держит.

Но однажды я понял: эта тишина стала тесной. Не для нас — для меня.

Я сидел на кухне, пил остывший кофе и смотрел, как Норма перебирает книги на полке. Она двигалась легко, почти бесшумно, и в этом было что-то от давно забытого спокой-

ствия. Но я чувствовал: что-то должно измениться. Не потому, что мне было плохо. А потому, что внутри меня, глубоко, зрело предчувствие. Оно не имело формы, но оно было.

Я не знал, что именно меня тревожит. Может быть, я привык к движению. К риску. К тому, что каждый день мог стать последним. А здесь — тишина, уют, запах свежего хлеба по утрам. И это было прекрасно. Но я чувствовал — это не конец. Это пауза.

В тот день я вышел из дома, чтобы просто проехаться. Без цели. Без плана. Просто подышать воздухом, который не пахнет джунглями.

Глава 32. Авария

Я остановился на светофоре. В машине играла композиция Queen — «Under Pressure». Дослушать её сегодня было не суждено.

Позади моего «Кадилака» раздался резкий скрежет тормозов, а затем — удар. Такой силы, что меня отбросило вперёд, а потом резко назад. Голова стукнулась о руль. В ушах зазвенело. На секунду мир стал белым — я не видел, не слышал, только чувствовал, как внутри что-то сжалось от боли.

Я пришёл в себя через несколько секунд. В глазах всё ещё плыло, но я заставил себя выйти из машины. Ноги дрожали. Я опёрся на дверцу, оглядываясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.